

Детективные рассказы

Автор:

Владимир Ноллетов

Детективные рассказы

Владимир Ноллетов

В рассказе «Человек с большим ножом» совершается загадочное убийство девушки. В «Частичной амнезии» главный герой приходит в сознание возле мусорного контейнера. На голове рана. Память отшибло. Вскоре он узнает о новой беде: его невеста исчезла. В трех других рассказах происходят необъяснимые и зловещие события.

Детективные рассказы

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2017

ISBN 978-5-4485-5766-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек с большим ножом

В час дня из супермаркета в центре города вышел хорошо одетый молодой человек. Когда он садился в свой шикарный джип, к нему приблизился некто в длинной черной куртке. Надвинутый на лоб капюшон, поднятый воротник и огромные солнцезащитные очки почти целиком скрывали его лицо. День был не таким ненастным, чтобы поднимать капюшон, но и не таким солнечным, чтобы надевать темные очки. На глазах у многочисленных прохожих он сунул руку в черной перчатке в карман, вытащил устрашающих размеров нож, приставил его к горлу хозяина иномарки и заставил отдать дорогие наручные часы. Потом велел ему лечь рядом с машиной вниз лицом, прямо в грязную снежную кашу. Надел часы, сел за руль и лихо промчался полквартала. Вылез из автомобиля и быстрыми шагами пошел по тротуару, то и дело любуясь часами на своей руке. На углу сидел нищий, перед ним лежала шапка с мелочью. Человек в капюшоне снял часы, кинул их в шапку и свернул в переулок. Нищий несколько мгновений смотрел на часы как зачарованный, затем схватил шапку и убежал.

Минут через двадцать преступник вошел в кафе на улице Кропоткина и решительно направился к столику в углу. Там сидел или, лучше сказать, восседал крупный мужчина с надменным лицом. Это был Васильев, директор рекламного агентства. Человек в капюшоне подошел к столику, вынул свой нож, приставил к горлу Васильева и что-то прошептал. Посетители кафе и официанты замерли. Несколько секунд стояла глубокая тишина.

Вдруг директор агентства выдал из себя прерывающимся голосом:

– Я... самодур, негодяй и ничтожество. – И покраснел.

Человек в капюшоне отрицательно показал головой и опять что-то прошептал.

– Я самодур, негодяй и ничтожество! – выкрикнул Васильев.

Человек одобрительно потрепал его по щеке левой рукой, без перчатки, (тот покраснел еще больше), спрятал нож, оглядел присутствующих, как бы оценивая эффект, и вышел на улицу.

Через четверть часа он вошел в подъезд четырехэтажного дома на пересечении улиц Жукова и Минской. Это видели две молодые мамы с колясками. Они сидели на скамейке во дворе. Вскоре из подъезда донесся пронзительный женский

крик. Даже прохожие на улице его слышали. А еще через две минуты прохожие увидели, как с балкона четвертого этажа падает мужчина. Он задел телевизионную антенну на балконе второго этажа, перевернулся в воздухе и упал плашмя на асфальт. Он лежал, не шевелясь, и молча глядел на подбежавших людей широко открытыми, полными ужаса глазами. На свитере на груди было большое пятно крови. И оно заметно увеличивалось. Очевидно, его ударили ножом. Приехала полиция, чуть позже – «Скорая». Полицейские бросились в подъезд. На лестничной площадке между вторым и третьим этажами в луже крови лежала девушка. У нее было перерезано горло. Два удара ножом ей нанесли в спину. На ней было лишь нижнее белье. Даже мертвая она поражала своей красотой. Рядом лежали огромный окровавленный нож, черная куртка с капюшоном и черная перчатка. Редкие капельки крови вели на четвертый этаж, в одну из квартир. Ее дверь была распахнута, в замочной скважине торчал снаружи ключ. На полу квартиры валялись женская куртка, платье, туфли и большие солнцезащитные очки. Дверь на балкон была открыта. Капли крови тянулись через квартиру туда. Балкон был наполовину заставлен разными вещами. На них была кровь. И на балконных перилах виднелись большие, во всю ширину перил, длиной сантиметров десять, пятна крови. Три пятна, по одному на средних и обоих боковых перилах, на их середине. Именно с этого балкона выпал раненый. В квартире никого не было.

Дверь одной квартиры на третьем этаже была закрыта, но не заперта. И в ней никого не было. Здесь дверь на балкон тоже была распахнута. Ничего примечательного полицейские в квартире не обнаружили. Они осмотрели все квартиры в подъезде, в них находились лишь старики и дети. На чердачном люке, на подвальной двери висели замки. Как утверждали мамы, из подъезда никто не выходил. Убийца как сквозь землю провалился.

Жильцы слышали топот на лестнице, сначала вверх, потом вниз, женский крик, возню, снова топот, но никто выйти не решился. Старушка с первого этажа сказала, что ей кто-то позвонил в дверь. Она увидела в глазок человека в черной куртке с поднятым капюшоном, в темных очках. Правую руку он держал за спиной. Это старушку особенно насторожило. Она не открыла. Вдруг незнакомец резко обернулся и бросился наверх. Через минуту раздался крик.

Убитой оказалась Наташа Соловьева, местная знаменитость, победительница городского конкурса красоты. Это на ее балконе были пятна крови. Она жила одна, скромно и тихо. В институте училась на отлично. У нее был жених. Не криминальный авторитет, как у многих королей красоты, а ее однокурсник.

Свадьбу собирались сыграть через неделю.

Человека, выпавшего из окна, увезли в больницу. Он был парализован. Ножевое ранение не затронуло внутренние органы. Но при падении он сломал позвоночник. Это и привело к параличу. Он не разговаривал, лишь смотрел тем же самым полным ужаса взглядом.

Это был Потапочкин, тоже жилец того дома. Незапертая квартира на третьем этаже принадлежала ему. Он был средних лет, холост. Работал курьером. Соседи отзывались о нем как о тихом, вежливом, несколько замкнутом человеке.

Раны ему и Соловьевой были нанесены найденным на лестнице ножом, тяжелым, массивным, с лезвием длиной тридцать сантиметров и шириной – шесть. Правый карман черной куртки был внизу разрезан. К нему был пришит отрезанный левый карман. В этих своеобразных ножнах убийца и носил нож. В самый низ была засунута черная перчатка, видимо для того, чтобы лезвие не проткнуло карман. Кровь на лезвии и на лестничной площадке относилась к группам крови Соловьевой и Потапочкина. Группа крови на лестнице, в ее квартире и на балконе совпадала только с его группой. Отпечатков пальцев на ноже не было. На ключе Соловьевой были только ее отпечатки. Допросили жениха девушки. У него было твердое алиби.

Васильев не знал, кто на него напал. Лица он не разглядел. Голос не определил: нападавший говорил шепотом, да и поднятый воротник искажал звук.

На следующий день город облетела новость: убийца пойман! Действительно, по подозрению в этих преступлениях был задержан некто Жлобович, ранее судимый. Сын той самой старушки с первого этажа. Он нигде не работал, в свои сорок лет сидел на шее матери-пенсионерки. Пил, скандалил. Напившись, приставал к Соловьевой, угрожал. Неделю назад Потапочкин попытался вступить за нее. Жлобович его избил. Под описание человека с ножом он подходил: средний рост, обычное телосложение. Накануне при опросе жильцов он сразу попал под подозрение. Была устроена засада, и когда он вернулся вечером домой, его схватили. Правда, он утверждал, что в момент убийства его дома не было; он ездил на окраину города к родственнице, но ее не застал. Хотя свидетелей этого, по его же словам, не было... В самом деле, милиционеры его тогда в квартире не обнаружили. Однако под его окнами росли высокие кусты –

они росли почти по всему периметру дома, – и Жлобович мог незаметно для тех двух мам вылезти в окно и, пригибаясь, выбраться на улицу. Решеток на его окнах не было. Мать подтверждала слова сына. Предположение милиционеров, что звонивший в дверь мог быть ее сыном, что она его не узнала, старушка решительно отвергла: «Не было у него никогда такой куртки. Купить он ее не мог: мы на мою пенсию живем. Да и он материться бы начал, что не открываю». Но можно ли верить показаниям матерей?

Вероятно, все происходило так: Соловьеву Жлобович зарезал за то, что отвергала его домогательства, а Потапочкина хотел убить как свидетеля. Или, может быть, тот опять ее защищал. Раненый Потапочкин попытался убежать. Жлобович настиг его в квартире Соловьевой и выбросил с балкона. Перед этим, очевидно, была борьба, поэтому и осталась на перилах кровь.

Вот на этом этапе, почти через двое суток после убийства, вести дело поручили опытному следователю Юнину. До пенсии ему оставалось два года. Его метод был прост. Сначала рутинная и трудоемкая работа по сбору фактов. Затем сопоставление их. Часто несущественное, казалось, противоречие между фактами открывало истину. Юнин не был сторонником психологического, а тем более физического воздействия на подозреваемых. Считал любителей подобных методов лентяями, не желающими тратить время и силы на сбор информации

Прежде всего он осмотрел вещественные доказательства: куртку, перчатку и нож. Затем допросил Жлобовича. Тот отрицал все обвинения. Он произвел на Юнина впечатление злобного, грубого, невежественного человека. Потом Юнин поехал в больницу.

– По-прежнему молчит, – сказала врач.

– А есть надежда, что он заговорит?

– Думаю, да.

Она повела его в палату. Потапочкин вытаращенными глазами смотрел в потолок. В них было страдание и какой-то панический страх. Лишь на миг он перевел взгляд на вошедших и снова уставился вверх. Юнину стало не по себе. Он попросил врача сразу позвонить ему, если больной заговорит, и ушел. «Что вселило в него такой ужас? – думал Юнин.– Убийца, гнавшийся за ним с ножом?

Падение с третьего этажа? Сознание, что он теперь навсегда прикован к постели?»

Юнин побывал в доме, где жила Соловьева. Осмотрел лестницу, ее квартиру, квартиру Потапочкина. Поговорил с жильцами. Мать Жлобовоча чуть не плакала.» Да выпустите вы его! Он же мне опора. Не было его тогда дома. Правду говорю».

Вернувшись в свой кабинет, он опять раскрыл папку с материалами дела и стал задумчиво листать страницы. Как ни старался Юнин, он не мог составить ясной, цельной картины преступления. Многое оставалось ему непонятным. Почему, например, Потапочкин, убегая от убийцы, кинулся в квартиру Соловьевой, а не в свою? Ведь она была не заперта. И ближе. Если подниматься – самая первая дверь. Щеколда на двери исправная. Во всех отношениях это было бы естественней... Смущали и пятна на балконе. Если они были следами борьбы, как объяснить их одинаковость и симметричность. И еще. Несомненно, человек с ножом заставил Васильева выкрикнуть те слова. Но разве они есть в лексиконе Жлобовича?

Он зашел в ближайший к дому Соловьевой хозмаг, спросил, покупал ли кто-нибудь в последние дни огромный нож. Продавщица сказала, что при ней не покупали, а ее напарница ушла вчера в отпуск и поехала в другой город. Посещение четырех других магазинов также ничего не дало. Он решил больше по магазинам не ходить. В сборе информации должны быть разумные пределы, иначе можно безнадежно в этом увязнуть.

Он отправился в рекламное агентство Васильева: Соловьева сотрудничала с этим агентством. Она улыбалась своей обворожительной улыбкой с рекламных щитов. Директор встретил Юнина не приветливо.

– Человек с ножом потребовал, чтобы вы произнесли именно те слова? – спросил прежде всего следователь.

– Да, – неохотно ответил Васильев.

– Он обращался к вам на «вы»?

– Разве это имеет значение? – В голосе директора зазвучало раздражение.

- Это очень важно.

- Да.

- Вы уверены, что это был мужчина?

- Да.

Юнин удовлетворенно кивнул. Больше он не узнал от директора ничего интересного. Он поговорил с другими сотрудниками. По их словам отношения между Васильевым и Соловьевой были исключительно профессиональные. Впрочем, вначале он попытался за ней ухаживать, но без успеха. Когда Юнин уже собирался уходить, одна женщина спросила:

- Саша как себя чувствует? Потапочкин то есть.

- Откуда вы его знаете? - живо спросил Юнин.

Выяснилось, что Потапочкин раньше работал в этом агентстве. Васильев уволил его полгода назад. «Непростительная промашка. Надо было больше узнать о нем, - мысленно упрекнул себя Юнин.- Стареешь, старик, стареешь». Работники агентства отзывались о нем сдержанно, не ругали и не хвалили, лишь сочувствовали. Юнин вновь зашел к директору, извинился, попросил рассказать о Потапочкине. Директор нахмурился. Процедил сквозь зубы:

- Что сказать?.. Дисциплинированный, исполнительный. Но со средними способностями. А в нашем деле нужен талант!

- А это не мог быть он? Мотив есть: увольнение.

Васильев подумал, покачал головой.

- Он бы не осмелился.

Интуиция подсказывала Юнину, что Жлобович не убивал. Интуиции он верил больше, чем логическим построениям. Сколько таких его построений, стройных,

безупречных, разрушалось в мгновение от ничтожной, казалось, мелочи. Интуиция же его никогда не подводила. Юнину казалось, что Жлобович и его мать не обманывают. Огромный опыт научил его почти всегда безошибочно распознавать, когда человек говорит правду, а когда лжет. Он решил на всякий случай опросить жильцов дома, где жила родственница Жлобовича. Ехать надо было на окраину города, он устал, но когда речь шла о снятии обвинений с невинного, Юнин не жалел себя. Здесь разумных пределов не существовало. В начале его работы следователем по делу, которое он вел, был осужден невинный человек. Его невинность выяснилась через полгода, когда случайно открылись новые факты. Юнин посчитал, что, прояви он во время следствия больше усердия и расторопности, эти факты он обнаружил бы уже тогда. Как он мучился! Решение суда было пересмотрено, человек освобожден, но этот случай Юнин помнил всю жизнь... Шансов установить алиби Жлобовича было мало, тот сам утверждал, что его никто там не видел, но, по крайней мере, не будет угрызений совести. Для него самым главным было – спокойная совесть.

Родственница жила на четвертом этаже четырехэтажного дома. Ее соседи по лестничной площадке Жлобовича не видели. Опрос жильцов на третьем и втором этажах тоже ничего не дал. Зато на первом жильцы сразу двух квартир узнали его на фотографии! Они видели в глазок, как он вошел в подъезд примерно в то время, когда убили Соловьеву.

В отделении он прежде всего отправился к начальству. Жлобович был отпущен, правда, под подписку о невыезде.

Возвратившись к себе, Юнин погрузился в размышления. Странно, весь день он подсознательно ощущал, что упустил что-то важное. Но не мог понять, что. Раньше он бы сразу сообразил. Он стал вспоминать, когда именно пришло к нему это ощущение. Вспомнил: после посещения квартиры Потапочкина. Что же он там увидел? Мысль работала вяло, тяжело, словно придавленная чем-то. Юнин вздохнул. «Стареешь, старик. Скорее бы на пенсию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nolletov_vladimir/detektivnye-rasskazy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)